

И.Н. МИНЕЕВА (*Петрозаводск, Россия*)

УДК 821.161.1-1
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-3

ОСТРОВ ГОТЛАНД КАК БЛАГОДАТНАЯ САМАРИЯ: ПОЭТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И. ФОНЯКОВА¹

Аннотация. В «шведском» тексте русской литературы Готланд занимает центральное место. В данной статье мы продолжаем рассмотрение восприятия острова Готланд в современной русскоязычной литературе. Материалом для анализа послужили творческие контакты Ильи Фонякова с поэтами Швеции и стихотворение «Воскресенье на Готланде». Лирическая ирония Фонякова в восприятии Готланда оттеняется безоговорочным приятием В. Гандельсманом этой земли как мира детства и творческой радости и итоговым отчуждением у Т. Бек. Анализ выявил следующие приемы иронии и авторефлексии в стихотворении Фонякова: сравнение земли викингов с образом библейской благодатной Самарии, антитеза двух миров – островного и материкового, смена стилистического строя от нейтрального к разговорному. Остров Готланд стал олицетворением красоты чистоты, любви, творческой свободы. Илья Фоняков иронически остраивает «безмятежную Самирию», его лирический субъект испытывает радость, но понимает, что эта радость очень ненадолго.

Ключевые слова: современная русская литература, «шведский» текст русской литературы, остров Готланд, культура перемещения, Т. Бек, И. Фоняков, В. Гандельсман.

Литературные травелоги и разного рода «локальные тексты» привлекают сегодня внимание исследователей. Такая «литературная география», как правило, выстраивает особый, художественный и даже мифологизированный образ места. В конце XX – начале XXI столетия формируется «шведский» текст русской литературы, не только «внутри» самой Швеции, благодаря творчеству русских эмигрантов, но и «вне» ее географических границ. Иногда писатель, пишущий о Швеции, долгое время находился на территории королевства, но не в каче-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012-2016 годы.

стве эмигранта, получивших второе гражданство, а будучи путешественником. После возвращения домой – в Россию, Великобританию, Америку – многие из побывавших в Швеции оставили художественные отклики о своем пребывании на островах Балтийского моря, о фьордах и водопадах [Абрамова и др. 2014].

Центральное место в формировании «шведского» текста занимает образ острова Готланд (шведский вариант – Gotland, вариант гутнийского наречия – Gutland – «земля гутов»), располагающегося примерно в ста километрах от материковой Швеции и славящегося сохранившимися до наших дней окаменелостями, курганами, руническими камнями, гигантскими причудливыми раукарами, романтическими развалинами, церквями с византийской архитектурой и росписями XII-XIII вв., канунгами, уникальным ландшафтом, где органично сменяют друг друга горы, скалы, леса, луга, лазурные воды, песчаные дюны и встречаются необыкновенные птицы и животные. В мировой культурной памяти за Готландом закрепилась слава острова «роз», «орхидей», «птиц», «чудодейственной мандрагоры», «ветряных мельниц», «скандинавской основательности», как «райского уголка», «самого солнечного» в Швеции с «миниатюрными, сказочными городками», как острова легенд о королях, разбойниках, старых троллях и кладах [Дергачева 2009], часто его идентифицируют с «окаменевшим морским коньком» [Макаров-Кротков]. Нередко Готланд называют «Божьим островом» [Julregn], «землей Ингмара Бергмана» [Плахов] и «местом», где когда-то А. Тарковский снимал фильм «Жертвоприношение» [Лютвал].

В русскоязычном «островном» художественном дискурсе Готланд стал уникальным объектом рецепции. О нем писали немногие. Готландская линия в русскоязычной литературе развивается не через традицию (как петербургская, московская, парижская, лондонская), а «волнообразно». Каждая новая поездка писателя, временное там пребывание оборачивается новым творческим откликом. В основном это русскоязычные прозаики и поэты, главным образом из России и США, проживавшие/проживающие на транснациональных пограничных российских территориях, или часто посещавшие/посещающие Швецию в качестве путешественников, журналистов-международников, гостей Балтийского Центра писателей и переводчиков. Назовем их имена и произведения, в которых нашли свое отражение островные реалии: Т.А. Бек («Шведская тетрадь»), В.А. Гандельсман («Готланд»), Н. Иванова («Остров»), Евг. Клюев («Зеленая земля») [Барковская 2012], Т.Ю. Кибиров («Нотации. Книга новых стихов»), Н. Толстая («Праздник Средневековья»), Б. Улановская («Шведские гуси»), И. Фоянков («Воскресенье на Готланде») и др. Образ Готланда реконструируется с

помощью системы символов. Наиболее характерными из них являются как универсальные (море, небо, земля, корабль, ветер, птица), так и региональные (кирха, рунические камни, раукары, островная тишина, свет, прозрачность, насыщенные цвета, «четкие тени», разностильность, «полное отсутствие стандарта» во всем). Между тем, несмотря на обращение писателей к общекультурным и национальным (шведским) знакам, восприятие острова для каждого из них будет индивидуальным.

Ранее нами были представлены версии интерпретации острова Готланд Татьяной Бек и Владимиром Гандельсманом². Татьяну Бек остров Готланд манил как возможная прародина, поскольку ее отец, по словам писательницы, происходил из обрусевших датчан, его предка «выписал» из Дании сам Петр I. Сама Т. Бек закончила факультет журналистики МГУ со специализацией «шведский язык». В 1970-х гг. ей довелось переводить на русский язык шведскую поэзию. На острове Готланд она побывала только в 1998 г., впечатления от поездки отразились в книге путешествий «Шведская тетрадь» [Бек 2000]. Однако отношение к Готланду оказалось двойственным: первоначальное восхищение сменилось отчуждением, красота острова начала казаться надломленной, обреченной, безысходной, чреватой распадом.

Владимир Гандельсман побывал на острове Готланд в 2000-х годах. Шведский остров стал для него символом божественной благодати, чуда, где Небо соединяется с Землей. Наиболее показательным в этом плане стихотворение «Запах спящего дерева в церквях. Готланд» (2013). В поэзии Владимира Гандельсмана остров Готланд показан как то место, которое возвращает человека в забытое божественное состояние детства [Гандельсман 2013].

Более подробно мы остановимся в данной статье на образе Готланда в творчестве Ильи Фоянкова.

Илья Олегович Фоянков (1935-2011) – потомственный петербуржец, ленинградец-блокадник, поэт, журналист. Школой жизни для него в первую очередь была блокада, потом старейшая петербургская школа «Петришуле». За ней последовал филфак Ленинградского университета и вместе с ним ленинградская школа в поэзии [Инфантьева]. Много внимания И. Фоянков уделял переводам англоязычной, латышской, шведской литературы. Переводил стихи С Окессон, А. Маннергейма, Л. Бекстрема, П. Курмана (Швеция), Х. Сеedorфа,

² Минеева И.Н. Остров Готланд в русской литературе XX века: топика, мифология, поэтика // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 102-109. URL: <http://sthb.petsu.ru/article/genpdf.php?id=2910>

С. Соренсена (Дания), И. Зиедониса (Латвия) и других поэтов Балтийского региона [Монахов 2007]. Автор нескольких книг стихов – «Именем любви» (Л., 1957), «Восточнее Востока. Полгода в Японии» (М., 1987), «Мирное время» (Л., 1988), «Зеленая ветка Вьетнама» (М., 1989), «Своими словами» (СПб., 1999), «Япония в моем блокноте» (СПб., 2003), «Островитяне» (СПб., 2005), «Овертайм» (СПб., 2010). Публиковал также очерки, эссе, литературные портреты, статьи о поэзии и поэтах (Н. Заболоцком, Б. Пастернаке, С. Маркове, В. Шефнере и др.). Издал ряд монографических переводных сборников – «Иммант Зиедонис. Смола и янтарь», 1965; «Омар Султанов. На ветрах Исык-Куля», 1973; «Августин Маннергейм. Память боли», 1999; «Скорен Соренсен. Дни сомнений», 2001 и др. [Кузьмичев 2005]. Руководил рубрикой «Поэтический глобус Ильи Фоянкова» в уникальных журналах «Царское село» и «Петербург», создал альманах «Складчина», проводил вечера переводчиков в память Александра Гуревича. Основал поэтическую мастерскую «Литератор». Его сравнивали с «атлантом», «державшим небо», называли «поэтом в кубе», «гражданином мира» [Каримов], «человеком уникальных знаний и темперамента», «человеком Возрождения» «не в смысле масштаба, но размаха» [Фоянков 2012], «демиургом – духом организующим, вдохновляющим и будоражающим умы» [Памяти Ильи Фоянкова], «носитель питерской культуры», «дружбе хороший – до пронзительности», остроумный «палиндромист» [Алферова]. Человек с феноменальной памятью, «к нему обращались за “справками” о стихах в те времена, когда “гугл еще не работал”» [Алферова]. Он «хорошо знал едва ли не всю русскую поэзию. У него был твердый голос и твердые устои. “Некарьерный”, всем нужный, легкий на подъем, он мог казаться консервативным, но поддерживал и новые тенденции поэзии в произведениях своих учеников» [Алферова].

Излюбленные темы творчества И. Фоянкова – история, война, поэтический дар, природа языка, слово, время. Его ранняя лирика живо отражала молодежные настроения периода «оттепели»: «здесь и романтика студенческих комсомольских строек, и безоглядное желание “вглядеться в простор не открытой земли”, и рассуждения о “сущности атомной войны”, и мечта о “смеющихся людях”, строящих светлое будущее социалистической страны» [Кузьмичев 2005]. Эти стихи Фоянкова подкупали – особенно сверстников – своей искренностью. Между тем символична сделанная поэтом запись в записной книжке незадолго перед смертью, во многом объясняющая генезис и суть его творчества: «Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – брэнно; душа не-

устойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничего, кроме философии. Так говорил Марк Аврелий» [Каримов].

Поэт постоянно совершенствовал форму и заботился о «выделке художественной ткани своих стихов», проявлял подчеркнутый интерес к сонету («Сонеты с улицы и двора», «Сонеты встречных», «Карабахские сонеты» и т.д.) и палиндромону («Стихи с палиндромами», «Парад палиндромонов»). Излагая свои поэтические принципы («Письма о поэзии к другу в Иркутск», 1984), он в первую очередь воздавал «похвалу точности» [Кузьмичев 2005]. «Умение ладить с авангардистами вызывало уважение (и верлибром пишет поэт, и палиндромон активно использует в канонических стихах)» [Монахов 2007]. В «затянувшихся бесконечных спорах на тему авангарда он предельно лаконичен и точен: Для меня вся поэзия – авангард. Пушкин – авангард, Блок – авангард, Заболоцкий – авангард. Авангард – всё, что смело, свежо, оригинально, истинно. Форма выражения – ритмические вариации, наличие или отсутствие знаков препинания, степень метафорической изощрённости – вопрос второй. Традиционная форма – нормальный литературный язык, классическая ритмика, логичность и ясность – лишь наиболее естественная форма выражения поэтической мысли. Она всегда будет существовать и всегда будет преобладать. Но всегда будут существовать и иные формы. Можно всё, даже вообще без слов» [Монахов 2007]. Диапазон литературных акций И. Фоянкова весьма широк. В частности, заслуживают внимания составленная им в соавторстве с Н. Н. Фоянковой антология «Поэты, которых не было» (русские поэтические мистификации XX в.) (СПб., 2000) [Кузьмичев 2005]. Помимо поэтического дара, И. Фоянков обладал «талантом вдумчивого слушателя, внимательного, человеколюбивого». Для него любая «рукопись, даже присланная крестьянкой из глубинки, представляла интерес <.> переводил с различных языков стихи никому не известных <.> авторов из различных уголков мира». Поэт любил повторять строки из Данте «Земную жизнь пройдя до половины ...» [Каримов].

И. Фоянков не только публиковал переводы своих друзей и коллег-зарубежных поэтов, он рассказывал истории своих встреч с ними, обстоятельства знакомства и дружбы. Вот, например, его рассказ о датском поэте Вигго Мадсене: «В моем книжном шкафу среди других раритетов хранится уникал: поэтическая книжка, изданная в море, на борту корабля. Да, именно так: на борту советского лайнера «Константин Симонов» во

время совместного круиза писателей стран Балтийского региона по Балтийскому морю. Очень скромная книжечка, набранная на компьютере и тиражированная в нескольких десятках экземпляров на ксероксе. Сейчас едва ли не каждый может сделать подобную книжку не выходя из дома. А тогда, в 1992 году, это было для многих в диковинку. Автором книжки был датский поэт Вигго Мадсен, большой чудак и выдумщик. В другой раз мне довелось видеть, как Вигго вырывал страницы из своей очередной книжки и бросал их в толпу. Прошли годы, и много воды утекло, и даже лайнер «Константин Симонов» был продан куда-то за долги, и теперь плавает под другим именем и под другим флагом. А мы с Вигго нет-нет да и встретимся. Чаще всего – на шведском острове Готланд, где расположен Балтийский центр писателей и переводчиков. Вигго и в стихах такой же чудак и выдумщик, как в жизни. Мало того, что он почти не пользуется рифмой и часто отказывается от знаков препинания – так пишут на Западе многие. Он и в сюжетах своих парадоксален: его стихи надо иногда буквально разгадывать. Почему, например, одно из его стихотворений носит длинное и отчасти шокирующее название «Она не могла заниматься любовью, пока открыт платяной шкаф»? Ведь в самом тексте ничего про это нет! Изволь догадываться, искать скрытую связь. Переводить такие стихи – мучение. Ведь это Вигго, его «Экономика», к примеру, скорее анти-экономика³. Там вожделенные доллары валяются под ногами, а поросята в кузове грузовика едут не на бойню, а на курсы совершенствования! Но трудно не прислушаться, когда Вигго говорит: «Удачи хочешь? Фрахтуй корабль побольше!» [Каримов].

В 1992 г. поэт участвовал в круизе «Волны Балтики» и литературных встречах в Центре писателей и переводчиков на острове Готланд [Курман 2006]. В настоящее время изданы далеко не все стихотворения и записи, посвященные данному событию. Между тем даже единственный опубликованный из этой серии поэтический отклик «Воскресенье на острове Готланд» позволяет почувствовать тональность авторского осмысления рождающегося образа земли викингов [Фоняков 2004].

Я здесь, как в благодатной Самарии,
Живу, судьбу-индейку не дразня.
Ни грохота, ни дыма индустрии,
Лишь волн прибрежных тихая возня.

Так на душе невыразимо ясно,
Так легок и спокоен каждый вздох,
Что кажется: вот то-то и опасно,

Звонят колокола Святой Марии, Опо- Какой-то вдруг мерещится подвох,

³ М. Вигго по образованию экономист. Речь идет о его работах в области экономики, маркетинга.

веща о начале дня,
И состоянье нежной эйфории
Нисходит постепенно на меня.

Коварное, предательское что-то.
Чур, чур меня! Вернись, печаль-
забота!

Для И. Фоякова остров Готланд – это пространство природного величия и кротости, тишины и гармонии, где человек обретает «ясность», «легкость» и «покой». Однако при этом поэт с долей грусти и легкой иронии отмечает, что для прибывшего с материка современника находится в таком естественном состоянии становится неестественным. Он отвык от подобных чувств, настроений и ощущений, дарящих ему свободу и освобождение. Поэтому в такие мгновения человек становится ментально дезориентированным, расценивает происходящее с ним как иллюзию, мираж, «подвох», «коварность» и стремится вновь поскорее «надеть» на себя прежнюю «печаль-заботу». Он не может идентифицировать свое новое состояние и объясняет его, используя неопределенное местоимение «что-то». Утрачивая непосредственность и безмятежность, человечество приобретает взамен внутреннюю «размытость» и страх. Авторефлексивный смысловой комплекс поддерживается с помощью сравнения земли викингов с образом библейской благодатной Самарии (в переводе «сторожевое место, сторожевая башня»), антитезы двух миров – островного («лишь волн прибрежных тихая возня», другой «календарь», о начале дня оповещают колокола) и материкового («грохот», «дым индустрии»), игры слов «судьба-индейка» (см. пословица судьба-индейка, жизнь-злодейка / копейка) и «печаль-забота», смены стилистического строя – от нейтрального к разговорному.

Во время пребывания на острове Готланд, любуясь его природой, поэт открывает не замечаемые ранее на материке беды цивилизации, лишаящие мир первозданности. Есть ли у современника надежда на возвращение к благодатной Самарии?!

Резюмируем сказанное. В современной литературе остров Готланд стал олицетворением красоты чистоты, любви, творческой свободы. Однако отношение к себе это экзотическое место вызывает различное. Наиболее пронизательные путешественники обнаруживают проникновение разрушающего влияния цивилизации и на этот первозданный островной мир. Кроме того, характер отношения к острову определяется и внутренним настроением созерцающего его человека, сутью его личности. Так, если Владимир Гандельсман принимает Готланд в свой внутренний мир, восхищается его божественно-детским, безмятежным образом, то Татьяна Бек, в конце концов, отчуждается от своей «прародины». Илья Фояков иронически остраивает островную

«безмятежную Самарию», сознавая, что вечно находиться в состоянии «эйфории» нельзя. Его лирический субъект испытывает радость от встречи с Готландом, но понимает, что радость очень ненадолго – лишь на время круиза «Волны Балтики». Эмоциональная гамма, в которой выдержаны картины острова в изображении Ильи Фоякова, амбивалентна (лирическая ирония). Само заглавное слово «Воскресенье» содержит элемент двусмысленности: воскресение души – только лишь на одно воскресенье. А вот упоминание, пусть и ироническое, библейской Самарии, вносит в подтекст стихотворения важный для Ильи Фоякова мотив преодоления межэтнических различий, братства поэтов.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова О.Г., Минеева И.Н. Сафрон Е.А. Современный литературный процесс на рубеже XX – XXI вв. в странах Северной Европы. Швеция: Учебное пособие / Отв. ред. И.Н. Минеева; Министерство образования и науки РФ; ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет». – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 53 с.

Алферова Т. Вечер памяти Ильи Фоякова. URL: <http://dompisatel.ru/node/649>

Барковская Н.В. Стратегия «ускользания» в книге Евгения Клюева «Зеленая земля» // Powstanie do Rosji wierszami i proza. Literatura gosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья) / под ред. Г.Нефагиной, Akademia Pomorska w Slupsku, Slupsk (изд. Поморской академии в Слупске, Слупск), 2012. С. 324-334.

Бек Т. Узор из трещин. Стихи // Знамя. 2000. № 4. [Электронный ресурс] / Т. Бек. Электрон. ст. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/4/bek.html>

Гандельсман В. Запах спящего дерева в церквах. Стихи // Знамя. 2013. № 2. URL: <http://brodsky.ouc.ru/predislovie-k-sborniku-stikhov-vladimira-gandelsmana.html>

Курман П. Дельфийский колесничий. Стихи Петера Курмана. СПб.: Геликон Плюс. 2006. 64 с.

Дергачева И., Никольская К. Остров сокровищ Средневековья // Вокруг света. 2009. № 1 (2820). URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6590/>

Инфантьева А. Скончался выдающийся литератор Илья Фояков. URL: <http://kbanda.ru/index.php/literatura/997-skonchalsya-vydayushchij-sya-literator-ilya-fonyakov.html>

Каримов Г. Вещий Олегович. Память о светлом человеке. URL:
<http://www.proza.ru/2013/09/04/258>

Кузьмичев И.С. И. Фоянков // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь / Под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Том 3. П-Я. с. 588-590.

Лотвал Л.-О. Каждый день с Тарковским. URL:
<http://tarkovskiy.su/texty/vospominania/Lotvall.html>

Макаров-Кротков А. Картинки с острова, или Готланд словами очевидца. URL: http://www.cirkolimp-tv.ru/files/archive/no_02/15_no02.pdf

Монахов В.В. Илья Фоянков – наше время для стихов // Самиздат. 2007. URL: http://samlib.ru/m/monahow_w_w/ilxjafonjakow-nashewremja_dljastihow.shtml

Памяти Ильи Фоянкова. URL: <http://www.srpomsk.ru/459.html>

Плахов А. Остров // Сеанс. № 13. URL: <http://seance.ru/n/13/glava4-kosmos-bergmana/ostrov/>

Фоянков И. Стихи // Звезда. 2004. № 11. С. 4.

Фоянков И. Из цикла «Поэты». Вст. ст. А. Рубашкина // Звезда. 2012. № 5.

Julregn. Укромные уголки Швеции. Готланд. URL:
<http://www.proza.ru/2005/02/26-159>